

АЛЕКСАНДР
ЧУМИКОВ

НЕПАЛ

*Винтажный
роман*

Александр Николаевич Чумиков

Непал. Винтажный роман

Серия «Размышления странника»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67123974
Непал. Винтажный роман : АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-137734-2

Аннотация

Перед нами Европа и Азия. Короли и магараджи. Коммунисты и маоисты. Небесные и земные боги. Герои и монстры. Горы и равнины. Война и революция. Охота и расстрел. Любовь и ненависть. Звёздная жизнь и нелепая смерть людей, о которых знает весь мир. С середины XX века до наших дней. Всё тесно слилось в одном реальном и мистическом пространстве по имени Непал.

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник. Доктор политических наук, автор 40 учебников, учебных пособий, монографий по тематике PR, медиа, антикризисных коммуникаций. Генеральный директор Международного пресс-клуба. Лауреат премии Союза журналистов России и Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси». В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 г. с мемуарной книгой «Записки

Профессионала». В 2020 г. опубликовал трилогию «Москва-400.
Кам-са-мол! 90-е».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Часть I	8
Пролог	9
Глава I	22
Глава II	45
Глава III	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Чумиков

Непал. Винтажный роман

В языке эскимосов есть примерно сто различных слов, означающих снег. Это языковое богатство позволяет максимально точно описать малейшие различия в снежном покрове. В современном русском языке у слова «успех» пока что маловато синонимов – успеха добиваются немногие. Но если ты как герои новой книги Александра Чумикова достиг горной вершины, значит, ты – очень успешный человек, умеющий принимать правильные решения.

Книга Александра Чумикова, писателя и учёного, – это путешествие не только к горным вершинам, но в глубь недавней и всё ещё волнующей нас истории.

Есть тайны, известные немногим. Есть судьбы, о которых не любят вспоминать. Но описанная автором реальная история, полная драм и трагедий, всё равно волнует. Хочется узнать, как всё это было на самом деле, что же с нами произошло? И почему?

Авторская интонация ожидания и жадного интереса к миру свидетельствует о том, что вы держите в руках книжку, которую не выпустишь из рук, пока не дочитаешь.

Леонид Млечин,

советский и российский журналист, международный обозреватель, телеведущий, лауреат телевизионной премии

*«ТЭФИ», член Союза писателей СССР, заслуженный
работник культуры Российской Федерации*

Опускаю ладонь на эту книгу и знаю: она правдива, написана с юмором, хлёстким журналистским словом, с точными интересными деталями. И никакого чуда здесь нет! Я давно знаю автора. И тем более хочется открыть для себя «Непал». Читаю и нахожу подтверждение своим ожиданиям. Но книга полнее. Всё провязано: приключения, преодоление, интересные и известные люди, весёлые и грустные истории, стойкость и дружба, которая рождается только в настоящих испытаниях.

Егор Серов,

*главный редактор радио «Книга», ведущий книжной рубрики
на телеканале «Россия 1», член Правления Российского
книжного союза*

¹ Слава великой Кали, гурки идут! – боевой клич гурков.

Часть I

Jai Mahakali, aayoo gurkhali!¹

Пролог

6100

«...”В одной знакомой улице я помню старый дом...” Что ещё помню? Помню, как весной провожал её на Курском вокзале, как мы спешили по платформе с её ивовой корзиной и свёртком красного одеяла в ремнях, бежали вдоль длинного поезда, уже готового к отходу, заглядывали в переполненные народом зелёные вагоны... Помню, как наконец она взобралась в сенцы одного из них, и мы говорили, прощались и целовали друг другу руки, как я обещал ей приехать через две недели в Серпухов... Больше ничего не помню. Ничего больше и не было...»²

Что за чёрт? Что это, кто это? Зачем? Да-да, понимаю, Иван Бунин, что-то из «Тёмных аллей». Мне когда-то нравились эти обволакивающие рассказы, а некоторые миниатюры я даже учил наизусть. Но при чём тут Бунин? Сейчас. В Непале. На Южной Аннапурне. На высоте шесть тысяч сто метров. Это сон? Однако заснуть, полусидя на льду, на крошечной площадке, невозможно. Ноги сначала мёрзли, а теперь ничего не чувствуют. И кажется, что стало тепло. И на-

² И. Бунин, «В одной знакомой улице» (сборник рассказов «Тёмные аллеи», АСТ).

катывает дрёма. Говорят, так и замерзают насмерть. А тут Бунин, у которого про горы и высоты что-то не припомню. Но замерзать под Бунина лучше, чем под какие-нибудь кошмары. Хотя и странно.

Да и вообще у него много странного: почему Иван Алексеевич писал это в 1944 году, вспоминая в разгар большой войны события тридцати-сорокалетней давности? А с другой стороны, что такого? Запомнил – и вспоминал. Все вспоминают. Особенно молодость – на старости лет.

Но герою воспоминания точно было тепло. А чего ж холодно! Герой – а, вот, вспомнил, рассказ называется «В одной знакомой улице» – приходил летом к девушке. Они ели сыр, пили вино, а потом – сейчас мне это кажется самым важным – залезали под одеяло. Скоро им и без одеяла становилось жарко. Но я, конечно, не об этом: теперь не до хорошего. Представляю совсем иное. Как в другом походе, в палатке, спал с девушкой. Снаружи был страх, чёрт, ужас, и мы просто обнимались – для тепла, ничего такого. В тесноте, в одном спальном мешке. Или попросторнее, в двух состёгнутых спальных мешках, но уже втроём: девушка посередине, а мы с приятелем по краям. Но это был туризм, а сейчас совсем не туризм. И палатка есть, но, собираясь на ночлег, мы её просто повесили на ледобуры, чтобы можно было сесть или прилечь не прямо на лёд, а как-то прикрываясь матерчатым домиком.

Что нужно делать, когда никак не уснуть? Можно считать.

Ну и как долго будешь считать? Я досчитал до тысячи, и жутко надоело. Потому что, если ждать ещё часа три-четыре до подъёма, это ж сколько тысяч надо перелистать? А-а-а. Лениво, холодно, неинтересно. Лучше продолжу вспоминать – и снова что-нибудь литературное. Вот Бунин неплохо вписался в бред. Минут тридцать занял.

А потом вспомнилась песня, герой которой ловил у «Звёздного» такси и в сотый раз опаздывал на Рижский вокзал...

Отлично! Пусть и не Бунин, не классическая литература, а шлягер Вити Третьякова. Что между ними общего? Ничего общего нет. Впрочем, есть: память. Тот вспоминает и этот вспоминает, потому что память дана не только нобелевским лауреатам. Вокзал часто вспоминают. Наверное, потому, что уезжают часто именно с вокзала, так что ничего странного. У одного Курский вокзал, у другого Рижский... У меня недавно, при вылете в Непал, был аэровокзал Шереметьево-2, в тот год почти все международные рейсы вылетали оттуда...

Луна ослепительно блестит. Лёд блестит. Архип Куинджи. «Лунная ночь». Чудесно! Но у него на картине ночь на Днепре, а главное – летняя, тёплая. Ночь для восторга, для любви, а сейчас... Какой антоним у восторга? Ужас, отчаяние? Ну уж не настолько! Так, тоска, подавленность некоторая: пусть бы лунной ночи и совсем не было, нестерпимо хочется скорого рассвета.

Опять мысли переключаются на холод. Теперь минус

тридцать, а днём станет потеплей. На немножко? Нет-нет, на множко! Это ж горы: солнце выглянет, припечёт, и даже на высоте наступит нирвана. Надо любыми способами пытаться насовсем не замерзать. Ладно, вспомним не художественное, а что-нибудь околонуточное: как умные люди рассуждают о борьбе с холодом. Некие сильно грамотные, может, даже медики, писали-говорили, что надо усиленно шевелить пальцами, и тогда кровь к ним прильёт, обморожения не будет. Верно! Но знаете, сколько надо сделать взмахов ногами, чтобы она прилила? Хотя бы по сто, да каждой ногой. А меньше – никаких изменений не происходит: пытаешься двигать конечностями, а нога словно какая-то деревяшка, и не чувствуешь, что пальцы ожили и активно себя ведут. Они, слава богу, шевелятся, но слишком вяло.

Не к месту возник в памяти старый пронзительный фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». С чего бы вдруг?! Но если сопоставить с темой холода и нашими антиобледенительными упражнениями, то вполне к месту: в фильме есть документальные кадры о том, как немецких солдат тренируют перед вторжением в Россию. Типа два прихлопа – три притопа, и согреешься в лютые русские морозы даже в тонкой шинелишке и кожаных сапогах. Хрен-на-ны они согрелись! Под одним Сталинградом многие десятки тысяч поумирали только от мороза, даром что уклонились от снарядов и пуль. А как же: плохо одеты, не кормлены. И это на равнине. На высоте куда хуже.

Правда, в горах с немцами получилось ровно наоборот: когда дивизия «Эдельвейс» пришла на Кавказ в 42-м, она комплектовалась из опытных и хорошо экипированных егерей. Этих солдат, в отличие от «равнинных», одевали по зимнему тепло. Они закрепились на перевалах, поставили палатки на ровных площадках, с собой занесли бензин и примусы. А помёрзли как раз наши «ваньки», собранные в горы в противоборство егерям из совсем не горных городов и деревень. Пусть и в валенках, и в полушубках – а вершин, перевалов и ледников раньше не видали, опыт обустройства в таких условиях отсутствовал. Внизу русские солдатики рубили лес и разжигали костры. Однако на высоте дров нет. Иные, вот как и я, дремали, бредили, но через силу двигались. А другие засыпали и не просыпались.

Теперь уже и Кавказ иллюзорно кажется не таким крутым, как здешние горы! А что? Вершины Эльбруса, где никто не ночует, – и то «всего» пять шестьсот с хвостиком. Хотя для замерзания этого более чем достаточно. Но тут шесть сто! И ещё не конец восходительного маршрута. Это Непал, детка, это Гималаи.

У нас есть баллоны с газом, есть горелка. Это здорово выручает: если палатку прилично поставить, тогда она прогревается внутри. Однако в нашей «лежачей» палатке такое плохо получается. А вы знаете, что собственное дыхание тоже согревает воздух? Иней на стенках соберётся, а потом и закапает. Но это что – мёртвому припарки. Да, стари-

ки-альпинисты рассказывали про снежные пещеры. Например, как рыли их, поднимаясь почти целый месяц на семитысячный пик Победы в Средней Азии. Это не сказки: вот вырыли люди пещеру в минус тридцать, как у нас теперь, забрались в неё, через час глядишь – минус пятнадцать. Примусы зажгли, надышали – ещё десяток градусов долой. Красота! Красота? Вы пробовали? Попробуйте просто посидеть в минус пятнадцать. Попробуйте посидеть – под ветром или даже без него – подольше, хоть в ноль градусов, и вам всё станет понятно.

Вот только здесь не ожидается ни нуля, ни минус пятнадцати: фирн, лёд. Сил хватило лишь на то, чтобы вырубить кайлом – так мы называли ледорубы – «сидячие места». Ага, как в общем вагоне, пожалуй, и поплотнее...

Да, вспоминать лучше не про холод на войне и в горах, лучше про домик, поезд, вагон, кровать или полку с одеялом; лучше – Бунина и Третьякова. Но мозг решительно не хочет зацепиться за писателей и бардов, мозг возвращается к рассуждениям о холоде.

Горелку-то, конечно, зажигали: палатку растянули спинами, сели в кучку, а огонёк поставили в серединку. Покидали лёд в котелок, попили тёплой водички, развели в ней супчик, погрели чуть-чуть руки. И всё, потому что экономим газ.

А потеплее одеться? В специальную одежду? Мы что, не знали? Мы всё прекрасно знали! Поэтому у нас суперботинки, суперперчатки и супермаски на лицах, чтобы ветер сра-

зу не попадал в лёгкие и не застуживал их, а проникал потихоньку, через сеточку, пропитанную каким-нибудь ароматным и полезным эвкалиптом. И внизу действительно верилось, что в этот раз «суперское», особенно импортное, снаряжение поможет. В этот раз! Каждый раз думаешь про исключительный «этот раз»! Раньше оно почему-то не помогало, зато теперь... Но позитивно думается обычно внизу, в тепле. А руки и ноги от холода в принципе не спасёшь. И после среднего и вполне удачного высотного восхождения в минусовую температуру у тебя чернеют, а потом слезают ногти на ногах, а пальцы рук потом и в городской жизни зудят даже при небольшом холоде. Тело да, тело одежда согревает, но руки-ноги – нет.

Надо крутить-вертеть своими крыльями-конечностями как мельница, но очень не хочется. Почему не хочется? А потому что! Творческое опять вспомнилось – чёрный юморок из песни про танкистов, которым «по танку вдарила болванка». Ощущения стопудово понятные: «А жить так хочется, ребята, но вылезать уж мочи нет».

Делать махи! Махи ногами! Встать и махать! Сердце колотится, чуть не выскакивает, одышка, а ты зажигай! Продолжаешь не чувствовать пальцы? Плохо. Ну, присядь, отдохни – и опять запускай махалку! И песню напевай, альтернативную танкистской – про строителей, про пионеров: «Нет, мы лёгких путей не искали... Спой песню, как бывало, отрядный запеваля!..» Вместо этого на ум лезет чёрная альпинист-

ская шутка: «Чувствую – обледеневаю...» Вставай давай.

Кровь вроде приливает. Теперь надо заползти обратно в стоящую буквой «зю» палатку, достать из задубевшего рюкзака спальник и засунуть в него ноги, в ботинках, естественно. Сначала кажется, что выстуженный мешок не помогает, но это не так – помогает, сохраняет некоторую часть тепла.

Философское вспомнил! Мой друг Андрей – телевизионщик, путешественник, экстремал (далее в моих рассказах редкие будут не экстремалами...) ходил на оленях из Якутска к полюсу холода, Оймякону, что стоит на богатой вкуснейшей северной рыбой реке Индигирке. Известно, что здесь зафиксирован абсолютный на жилой Земле минимум температуры – около минус 70. Но и температура «обычной» зимой тоже ничего – ближе к минус 50. Так вот: Андрей с коллегой-оператором Мариной в сопровождении группы эвенов-аборигенов шёл к Оймякону на оленьих упряжках, по «свежему воздуху», поход занял десять дней.

Как одевались? В одежду и обувь с мехом, из оленьих шкур, и они не промерзали. Но было другое. Оператора Марину одели так плотно, что однажды по дороге она вывалилась из нарт и не смогла подняться. Барахталась на снегу, пытаясь встать и выделывая при этом немислимые гимнастические упражнения. Пока заметили, что Марина выпала, проехали с полкилометра. Вернулись, конечно, подняли её на ноги и посадили в нарты. Зато тепло!

Проблемы с холодом у них появились вовсе не на марш-

руте. Андрей рассказывал, что экспедиция везла на нартах и сложенную в брикет большую палатку, и каркас для неё, и дровяную печку, и даже сами дрова. Когда остановились, проводник-эвен затопил в палатке печку, и наступил «ташкент». Сытые и согретье, московские телевизионщики в одном термобелье удовлетворённо залезли в спальники.

Но потом Андрей проснулся от холода: печка давно потухла, а истопник безмятежно спал прямо на снежном полу. Пытаясь согреться, Андрей и Марина натянули на себя всё что можно и – прямо как я сейчас – стуча зубами дожидались рассвета. И на вторую ночь так, и на третью. Заново разжечь печку, конечно, можно, но это долго и зябко, да и дров ограниченное количество. Вот тогда Андрей и дозрел до философского вывода: здесь надо не искать тепла, а привыкать к холоду... И книжку потом так назвал – «Тепло якутского холода». В книжке он не написал о том, что из тридцати экспедиционных оленей почти половина пали в дороге...

Я не понимаю, как можно привыкнуть к холоду. Но эвены-то привыкли. А с проводниками путешествовали двое маленьких детей-дошкольников. И ничего, «дрожжи не продавали», играли; спали безмятежно, похрапывая и посвистывая.

И опять дрёма, и опять накатило:

И полутёмный незнакомый подъезд,
И полусонный опустевший вокзал —

Ты всё запомнишь в этот зимний отъезд
В Непал, в Непал, в Непал...³

Ну, Олег Митяев вспомнился – это ближе к сегодняшнему дню, чем Бунин. Смешно, но мы с ним в холоде сталкивались, когда вместе ходили на Эльбрус. Вот только это не сравнить ни с Якутией, ни с тем, что сейчас. Да, начинаешь восхождение ночью, в минусовую температуру. Да, тоже мерзнут ноги и руки, однако переждать надо всего несколько часов, а это неприятно, но терпимо – перспектива согревает. Потом, когда подходишь к перемычке между вершинами Эльбруса, через снежный гребень переползает солнце. Оно пока далеко, но зато видно, как лучи всё больше поглощают тень и подбираются ближе и ближе. И вот солнце слепит глаза, и хотя ты продолжаешь «продавать дрожжи», зато абсолютно счастлив, поскольку железно ясно: минут через пять станет тепло. И хотя тут примерно пять тысяч метров, но с приходом солнца ты не просто согреваешься, а начинаешь постепенно раздеваться – жарко. Будто холодной ночи и не было. Всегда так.

Вот ведь интересно – Олег тоже вспоминает вокзал. Речь в песне, впрочем, о Москве. А в другой песне он и Непал вспоминает, потому что побывал здесь. Про непальскую речку поёт: «Плыли мы с тобой по Марсианде». Ну, она Маржанди или Марьянди вообще-то называется, но он так произносит.

³ Олег Митяев, «Царица Непала».

С планетой Марс, что ли, решил ассоциировать? Речка живописная, и сплав по ней на рафтах классный. Поплавать бы на этих рафтах сейчас; бухнуться, пройдя пороги, в неспешную приятную воду, раскинуть руки и покачиваться – спасилет не даст утонуть...

Как дальше-то будет? Ребята вон тоже мучаются: не сон, не бодрствование, не поймёшь что. Но парни упёртые: один – заслуженный мастер спорта по альпинизму, второй – международного класса, третий – просто мастер. Смешно, да: «просто мастер». Потому что непосвящённому трудно понять. И представить, что «просто мастера» – это уже неземные величины в глаза начинающих альпинистов. Они и вправду не земные, а горные. Они не такое переживали, как говорится. И я вплотную подобрался к великим. Но всё равно не упёртый. Не блаженный. Не герой. Не мастер. Я обычный человек. Хотя попал в такой переплёт не случайно, конечно, и не в первый раз. И наплывает сквозь холод смешной анекдот: «Ну, хуже, чем в этот раз, быть не может», – думает пессимист. «Может-может, в следующий раз будет хуже!» – говорит оптимист. У нас этот «оптимистический» следующий раз наступил.

Скоротать надо время до рассвета и своё чего-нибудь вспомнить. Как у Бунина – то, что, как говорится, предшествовало. И что было после. А разве можно вспомнить то, что было после, а пока не случилось? На первый взгляд, нельзя. Но если «Алису в Зазеркалье» почитать, станет по-

НЯТНО, ЧТО МОЖНО...

– ...Но ведь завтра ЗАВТРА станет СЕГОДНЯ! – воскликнула Алиса.

– Правильно. Но как только оно станет СЕГОДНЯ, оно перестанет быть ЗАВТРА, – отрезала Королева.

– Я совершенно запуталась, – расстроилась Алиса. – Как вы во всём этом разбираетесь?

– Ничего особенного, – ответила Королева. – Просто мы с тобой живём в РАЗНЫЕ стороны. Ты – туда, а я – обратно.

– У меня в голове от всего этого ужасная путаница! – пожаловалась Алиса.

– Это всё потому, что ЗДЕСЬ тебе приходится жить не туда, а обратно. Поначалу у всех голова идёт кругом, – утешила её Королева.

– Жить обратно! – воскликнула Алиса. – Я не сумею!

– Зато, – продолжала Королева, – всегда помнишь, что будет ПОТОМ.

– Я помню только то, что было РАНЬШЕ, – сказала Алиса. – Того, что ещё не случилось, помнить невозможно!

– Жалкая память, – пожала плечами Королева. – Помнить то, что уже было, каждый может...⁴

У меня память вовсе не «жалкая». Она хочет верить, что завтра не будет СЕГОДНЯ, что завтра будет ЗАВТРА и го-

⁴ Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье» (перевод Л. Яхнина, АСТ).

раздо лучше. Но пока снег и лёд. Под луной они оживают: в снегу отчётливо видны мерцающие кристаллы, а лёд, пока темно, хоть и под луной, отликает зловещим серо-чёрным цветом. А впрочем, красиво. Смертельно красиво. Виден гребень, и там, возле гребня, начинает светлеть. Может быть, рассвет этим утром наступит раньше? Неадекватно ситуации улыбаюсь, глядя на пятерых ребят, которые устроились бугорками в покато́й палатке. Изредка они пошевеливаются, а из капюшо́нов выступает такой обнадеживающий парок. Значит, живы.

Я кручу память «обратно» и рисую винтажные картинки прошлого, которое случилось к сегодняшнему дню. И будущего, которое наступит завтра.

Глава I

Морис

Можно ли попасть во Францию? Смешной вопрос! А почему же нельзя? Деньжат накопил, шенгенскую визу получил – и езжай. Ну да: отпечатки пальцев попросят сделать, может, даже собеседование во французском посольстве придётся пройти, но всё это мелочи жизни. В принципе без серьёзных сложностей. С маленькой оговоркой: «без особых проблем» – это если речь идёт про *сегодня*.

А если говорить про тридцать-сорок лет назад? Ну, ба-тенька, тогда получится совсем другой разговор. Как изрекает одна моя подружка: «Париж? Сейчас каждый может в Париж. Но не тогда».

Да-а-а... «Увидеть Париж – и умереть». Мне жаль тех, кто умер до того, как познакомился с Парижем. Но одновременно мне жаль и других, тех, чья юбилейная дата заканчивается в текущие годы на «дцать» или даже «ок», а ещё не на «сят». Почему? Потому, что и десять раз побывав во Франции или приравненной к ней стране, они не смогут испытать тех удивительных, острых, порой непредсказуемых ощущений, через которые в свои «дцать» прошли мы в 70-е. Не только во самой Франции. Но и на пути к ней.

Трудности – это тоже острые ощущения. Легко – значит, обыкновенно, а обыкновенного у каждого и своего полно.

Иное дело преодолённые трудности, разрешённые проблемы – вот где эксклюзив, счастье, кайф! Поэтому начнём с трудностей и проблем.

Кто же тебя, советского человека, пустит во Францию? Ну, если, конечно, имеются особые заслуги, то другой разговор. О каких заслугах идёт речь? Ну, скажем, ты участвовал во французском Сопротивлении во время Второй мировой, а теперь тебя приглашают боевые друзья. Что, не был, не состоял, не участвовал? Как жаль! Ах, да, мы послевоенного года рождения... Ладно! Можно заслуженного папу или дедушку сопровождать: помогаем, мол, ветеранам и заодно приобщаемся к международному братству! Но мало пап и дедушек с военной французской дружбой в биографии...

Другой вариант. Ты активный член коммунистической партии или комсомолец и за эту активность съездил уже пару раз организованным туристом в страны социалистического лагеря. Минуточку. А сразу во Францию нельзя? Не-е-ет, сразу в «капитализм» не выпускали. Видимо, чтобы человека не хватил «кондратий» от тамошних «ужасных» впечатлений. Ты сначала во-о-он туда, ну, типа «курица не птица – Болгария не заграница». А если хорошо себя вёл, можно рассмотреть вопрос и про Францию.

Третий вариант, когда ты передовой рабочий или колхозник. Тут вообще без проблем: у нас ведь государство рабочих и крестьян. Это у примкнувшей к ним интеллигенции возникают проблемы при выезде, а тружеников цехов и по-

лей мурожить не станут, да ещё родной завод-колхоз поездку оплатит.

Не исключаются и другие варианты, однако уж больно они экзотические. Вдруг ты, скажем, космонавт, а?! Неправдоподобно? Погодите иронизировать, к вариантам с космонавтами мы ещё вернёмся.

Я проходил по смешанному варианту – почти как в фильме «Кавказская пленница»: студент, комсомолец, спортсмен. А ещё командир ударного стройотряда. И с выездным «стажем»: в «не птице» Болгарии уже побывал. То есть вопрос «одобрям-с» теоретически должен быть решён. Он решился и практически: после собеседований на работе, затем в райкоме номер два (комсомольском) и, наконец, номер один (партийном) меня «утвердили».

Следующая ступень – инструктаж. В связи с этим событием как не обратиться к Владимиру Семёнычу Высоцкому? Он как раз в те годы чудесно рассекал по Франции и был, что называется, глубоко в курсе дела. Так что если песни про войну, очень талантливые, Высоцкий придумывал по чужим рассказам, то в «Инструкции перед поездкой за рубеж» излагал самую что ни на есть настоящую автобиографию образца 70-х – свою, мою, а также других участников нашей французской группы. Как инструктировали, чтобы не вздумали «жить там сдуру, как у нас»; чтобы сурово отказывались от подарков, чтобы избегали «шпионок с крепким телом» и прочей «буржуазной заразы».

В общем, прямо по названию современной телепередачи: «Точь-в-точь». Но вот – ура, прошёл я инструктаж: ветераны комсомольско-туристического движения подсказали, как на советы-указания правильно реагировать, делая серьёзное лицо и со всем соглашаясь.

А потом... всё накрылось «медным тазом». Не у Высоцкого, а у меня. Наши советские регбисты из спортивного клуба «Фили»... Стоп! Какое отношение я имел к регбистам? Какая связь с моей поездкой? Верно: никакого отношения. Тем не менее связь, как выяснилось, существует. Регбисты где-то у кого-то выиграли судьбоносный – для клуба, города, а может, и страны – матч. И лучшую часть команды в виде поощрения решили послать во Францию. А десяток тех, кто был согласован предварительно, включая меня, вычеркнули. С извинениями, конечно. Временно, разумеется. В следующий раз поедете непременно, вы – в первых номерах. Ну, в целом, думаю, понятно.

В аналогичной ситуации и примерно в то же время оказался молодой, но уже замеченный и обласканный писатель, который фигурирует в своём произведении на заданную тему под псевдонимом Жора Полуяков. И Жору, как и меня сотоварищи, вычеркнули. Но потом... вернули на место! Каким образом? Да совершенно чудесным: заболел входивший в группу молодой герой-космонавт. Вот почему я выше вспомнил про космонавтов.

Догадываетесь, что дальше случилось со мной? Правиль-

но догадываетесь. Заболел! Правда, не я. И не космонавт. Заболел регбист. Чтобы закрыть вакантную клеточку, меня вернули в списки. Потом всё происходило по типовому сценарию, который прекрасно описал впоследствии тот же Жора, так что просто воспроизведу:

...Мы обмывали мою будущую поездку в Париж. Захорошев, друзья начали давать мне советы, суть которых сводилась к тому, что самое главное в групповом туризме – сразу разобраться, кто из органов, а кто собирается «соскочить», – и держаться подальше от обоих.

– А как узнать? – недоумевал я.

– Ничего сложного: увидишь – догадаешься...

Сколько раз я ездил в командировки, но никогда супруга моя не собирала меня в путь-дорогу. В этот раз всё было по-другому. Жена трижды ездила за консультацией к своей двоюродной сестре, вышедшей замуж за сантехника-международника. Я не шушу: в наших посольствах работают только свои, вплоть до дворника и посудомойки. Кроме того, супруга посвятила несколько часов обзваниванию тех наших знакомых, которые так или иначе имели дело с заграницей.

Обобщив все советы и рекомендации, она тщательно укомплектовала мой чемодан с таким расчётом, чтобы любую свою нужду или потребность вдали от родины я мог удовлетворить, не потратив ни сентима из тех трёхсот франков, каковые нам обещали выдать по прилёте в

Париж. На случай продовольственных трудностей в чемодан были заложены несколько банок консервов, два батона сухой копчёной колбасы, три пачки галет, упаковка куринобульонных кубиков, растворимый кофе, чай, сахар, кипятильник, две бутылки – водка «Сибирская» и коньяк «Белый аист». Отдельно, в специальном свертке, таилась железная банка чёрной икры – на продажу. Имелся и небольшой тульский расписной электросамовар – для целенаправленного подарка...⁵

Интересно описывал Полуяков и процедуру заполнения на вылете из СССР таможенных деклараций:

– Как вы думаете, – уловив мой взгляд, спросил товарищ по группе, – золотые зубы вписывать?

– Не надо. Вы же не в Бухенвальд едете! У моего друга платиновый клапан в сердце – он и то никогда не вписывает!..⁶

Шутки шутками, а одного регбиста на таможне тормознули: в таинственном мешочке, прикрепленном тесёмкой к шее под рубашкой, он вёз запрещённое – кучку монет разного достоинства, выпущенных к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Дилемма возникла, конечно. Потому что регбист в крик: я советские ценности хо-

⁵ Юрий Поляков, «Парижская любовь Кости Гуманкова» (АСТ).

⁶ Юрий Поляков, «Парижская любовь Кости Гуманкова» (АСТ).

тел пропагандировать! А ему: зачем же их прятать, дорогой товарищ? И почему в декларацию не внесли? Неувязочка получилась, одним словом... Впрочем, пожурили, повздыхали, почесали репу и, видя искреннее признание советского комсомольца в совершённой (ну, не страшной, правда же?) ошибке, отпустили к французам.

Как ходил в Нотр Дам, Лувр; как стоял в очереди на Эйфелеву башню, как гулял по Монмартру – это каждый расскажет. Очереди, конечно, не понравились. Вроде бы мы привыкли к ним в родном Советском Союзе, но нам по секрету сообщали, что во Франции очередей нет. Оказалось, очень даже есть. Не понравилась и прогулка на кораблике по Сене. Вообще-то не сама прогулка, а вот что. Усадили всех в кресла плотными рядами: ни тебе по палубе прогуляться, ни в буфет какой сходить и освежиться красненьким для более взвешенного восприятия капиталистической французской действительности.

Врать, однако, не буду и признаюсь: тезис «У самих добра такого завались» не срабатывал. Самые простые вещи вызвали внутренний и внешний вскрик: «Ну, надо же!» Скажем, каждому раздали наушнички, из которых лилась русская речь с рассказом о том, что мы видели на берегу. Мы о таких наушничках слыхом не слыхивали. Да и в целом происходящее казалось сказкой. В наше время сказка стала былью, а во фразе «Какой русский не бывал в Париже» дистанция между шуткой и реальностью существенно сократилась.

Поэтому опустим парижские восторги образца 70-х и перейдём к пока неочевидным, но главным для нашего повествования аспектам, для чего переместимся из Парижа во французский городок Шамони.

Не для альпинистов и горнолыжников, а для всех прочих людей скажу, что это чудное местечко расположено в Альпах. Отсюда ходят на высшую точку «их» Европы – гору Монблан высотой в четыре тысячи восемьсот метров. Об этом я к моменту первого посещения Франции слышал, но не более. А тут представилась возможность если не взойти, то хотя бы посмотреть на культовую вершину. Слова «Гималаи», «Непал» я тоже слышал, но куда реже, а побывать даже и не мечтал.

И тут случилось нечто. Гид сказал, что у нас будет встреча с мэром Шамони, которого зовут Морис. Рэгбисты поинтересовались, занимается ли он, как они сами, лучшим в мире видом мужского спорта. Узнав, что Морис изъяслял себя в альпинизме, спортсмены интерес к встрече потеряли. Но, увидев накрытый мэром стол – бутерброды с невиданной нами красивой ветчиной, сказочным ассорти из десятка сыров, румяными круассанами (от одного такого названия в 70-х у советских начиналась не «собственная гордость», а слюновыделение), – отреагировали добрыми улыбками, а после обнаружения батареи бутылок с пивом не удержались от характерных отечественных восклицаний: «Ух ты, мля!»

Да, на столе стояло даже пиво! Никогда мы не пробовали

такого пива! Да что говорить: и бутылок таких не видывали, и этикеток. Я сразу посчитал – на нос приходилось бутылки по две. Успех встречи был предрешён.

Мэр Морис говорил о российско-французских связях, об уважении к государству трудового народа – СССР, о взаимодействии наших культур. Тем не менее мы напряглись, вспоминая контрпропагандистский инструктаж в Союзе и готовясь, если что, давать отпор искажающим историю инсинуациям и жёстко отстаивать нашу безоговорочную победу над их Наполеоном в 1812-м. И при необходимости смягчая страсти, напомнить о доблестной и дружной советско-французской эскадрилье «Нормандия-Неман», громившей фашистов в следующей Отечественной войне. То есть да, была война французов с русскими, и нечего к нам соваться, поскольку «кто к нам с мечом...» и так далее. Но впоследствии воевали против общего врага вместе, потом (и сейчас!) мир-дружба. Однако Мориса, видно, не сильно занимали войны, он перешёл на совсем другую тему и рассказал сначала про видневшиеся из окон Альпы с Монбланом, а потом про Гималаи. Как штурмовал гималайские вершины в Непале и покорил одну из них, всем известную (кому «всем»? Мы-то не слышали) и очень значимую. И что книжку об этом написал, и что вот-вот выйдет её русский перевод.

Обаятельный, симпатичный мэр выглядел по-французски молодо, хотя ему стукнуло под шестьдесят. Но... у Мориса почему-то недоставало пальцев на руках: кисти были, а паль-

цев почти нет – так, одни примыкающие к кистям фаланги. Что это? Может, воевал? Не спрашивать же...

Регбисты, допив пиво, к беседе вновь охладели. А я, напротив, возбудился. И в конце протокольной встречи спросил – куда деть журналистскую жилку:

– А можно с вами побеседовать про Гималаи и Непал?

Морис удивился и, по-моему, обрадовался такому вопросу.

– Да, – доброжелательно сказал он, – я сегодня работаю до девятнадцати часов. Приходите в девятнадцать.

В ходе этого короткого диалога вдруг и очень просто прояснилось, кто в группе чекист. Если руководитель советского выездного коллектива только недоволен, но вполне открыто поморщился на мою просьбу (зачем мне лишняя головная боль и писанина в отчёте), то представитель органов сжал губы, сверкнул взглядом и сразу же принял прежнюю улыбчивую мину.

Запрещать мне встречу чекист, ясное дело, постеснялся, ведь в стране победившего социализма права человека и прочие демократические нормы подняты на необычайную высоту. Так что вечером я спокойно направился в мэрию, что располагалась близко к отелю. Версия о чекисте, который раньше косил под регбиста, подтвердилась. Он подошёл ко мне в холле гостиницы, хлопнул по плечу, растянул рот до ушей и сказал: «Слушай, какой ты молодец! Давай пойдём вместе! Я тоже очень интересуюсь Гималаями, Непалом».

лом, буддизмом-индуизмом и вообще всем, что с этим (с чем «этим»? – подумал я) связано».

Наблюдать за представителем компетентных органов оказалось интересно. С Морисом мы беседовали на английском – благо я закончил английскую спецшколу. Мэр иногда вставлял и французские фразы. А боец невидимого фронта пояснил, что языков, к сожалению, не знает, поэтому захватил с собой переводчика. В ходе разговора демонстративно поворачивал голову в его сторону и внимательно слушал, Морису же одинаково улыбался на любое высказывание. Параллельно что-то «писал в блокнотик впечатлениям вдогонку». Я скосил глаз на блокнот и увидел, что записи велись на английском. И на французском. Школа!

Морис начал издали. Оговорюсь, что дальше я его рассказ буду излагать так, как слышал *тогда*. Зачем нужна подобная оговорка? Затем, что, во-первых, многое изменилось в Непале и рукотворной части Гималайского региона за столько лет. Во-вторых, впечатлениями Морис делился не как учёный, не как исследователь истории, этносов, религий, архитектуры, а как альпинист, главным для которого было восхождение. Остальное – так, человеческие эмоции очевидца.

Я и слушал как начинающий альпинист и абсолютный профан во всех остальных перечисленных направлениях знаний. В дальнейшем, конечно, в моём интеллектуальном багаже, равно как в окружающей действительности, произо-

шли весьма существенные изменения, но о них я расскажу позже, своим чередом.

В Непал команда Мориса попала через Индию, прилетев туда самолётом из Парижа. Страна Непал оказалась невеличковой даже по французским меркам. Для нас же, которые привыкли измерять величину территории и называть её большой или маленькой в зависимости от определения, сколько Франций на ней уместится, это азиатское государство выглядело и вовсе песчинкой по сравнению с СССР. Ну, чего там: шестьсот километров в длину, двести – в ширину. Впрочем, «песчинка» довольно твёрдая. По ухоженным французским дорогам 600 километров можно проехать на «паркетном» автомобиле часов максимум за пять, по российским – смотря где, конечно, и смотря какие дороги, но в большинстве случаев в сутки можно уложиться. В Непале шесть сотен километров подряд проехать в принципе нельзя ни на чём. А сколько времени их нужно *преодолевать*? Ну, скажем так, долго. Или всегда...

Зачем Морис сотоварищи подались в Непал? Затем, чтобы взойти на гору высотой более восьми тысяч метров. Всего таких гор в мире четырнадцать, причём восемь из них расположены в этом самом Непале. К 1950 году, когда планировалось восхождение Мориса, 22 экспедиции различных стран пытались победить восьмитысячники. И ни разу не победили, а горы людей ой-ой-ой как потрепали, иные в них и остались.

Район, куда вышла группа Мориса, был ими, конечно, спланирован заранее, но вот конкретную восьмитысячную вершину для восхождения прикидывали лишь приблизительно. Может, Дхаулагири, может, Аннапурна. В общем, пятого апреля вошли в Непал.

Как вы думаете, о чём станет больше всего говорить любой альпинист, рассказывая о своём восхождении? О погоде! Обязательно, долго, подробно и со знанием дела. Не стал исключением и Морис. Как погодка? Непальская погодка в апреле тёплая. Внизу. А вверху холодная. Начиная с пяти-шести тысяч метров лежит вечный снег и без солнца почти всегда минусовая температура, а зимой то же самое и на высотах пониже. Поэтому зимой на восхождения из-за холода почти не ходят. Однако и лето считается неблагоприятным сезоном: тепло, но идут муссонные дожди. Проблема здесь не в водяных потоках, а в видимости, которая в горах летом становится почти нулевой, в воздухе висит влажное и жаркое марево. Даже для обычных путешественников это не слишком интересно: ты пришёл за впечатлениями, фотографиями, а снимать нечего – пот течёт, насекомые вокруг ползают, а горы вроде бы и нет.

На восьми тысячах метров ночью температура и летом опускается до минус сорока и ниже. Но как и в случае с муссонами, где вода – не основная проблема, на больших высотах таковой является не столько холод, сколько кислородное голодание, гипоксия. То, что начинается около – на – выше

восьми тысяч, называется «зоной смерти». С точки зрения медицины средний человек сумеет прожить здесь три дня... Ураганный ветер, снег, мороз могут добить его значительно раньше.

Морис с командой теоретически знали всё это, а на себе пока не испытали. Да, за плечами имелся солидный опыт сложных альпийских восхождений. Но что Альпы? Они до пяти тысяч не дотягивают, отсюда ни о какой высотной акклиматизации и речи нет.

Почему для подхода к горе выбрали апрель? Потому что май считается лучшим месяцем для штурма серьёзных вершин. Например, более 90 процентов восхождений на самую высокую гору мира – Эверест – приходятся на май. Апрель же предназначен для акклиматизации, подноса грузов, обустройства лагерей.

Первым делом они наняли шерпов. В бытовом понимании шерп – носильщик. Это не совсем верно: шерп, а точнее шерпа – национальность, коих в Непале десятки. Но именно эта сосредоточена в высокогорье, именно из неё формируется основная категория высотных (!) носильщиков (портеров), а также проводников (сирдаров), которые во многих случаях становятся и восходителями.

Сколько носильщиков нужно на среднюю группу восходителей – ну, скажем, человек в десять? Это зависит от задач. У Мориса с командой задачи ставились по-наполеоновски грандиозные, а исходная информация приближалась к

нулю. И они наняли двести носильщиков. Весь экспедиционный груз разбили на примерно равные доли по одной маунд – около 36 килограммов на каждого портера. То есть в целом получилось более шести тонн. Что было в этих тоннах? А вы представьте себе, что взяли бы с собой в двухмесячное горное путешествие. Представили? Вот *всё* это в шести тоннах и наличествовало. Нести груз предстояло 250 километров по горным тропам. А потом вверх и вверх без измерений километража в длину – на высотных восхождениях в метрах-километрах считается высота, а не протяжённость маршрута.

36 кг – это много или мало? Если вы попробуете пронести рюкзак такой тяжести – хороший рюкзак, с каркасом, лямками и регулирующими ремешками – скажем, пару километров по ровному месту, то поймёте, что это *очень тяжело*. Шерп сложит ваши рюкзаки или другой груз в один свой бесформенный мешок или корзину, или свяжет их вместе и – спокойно и долго – понесёт с одним крепежом в виде налобного ремня на то расстояние, которое потребуется.

Вес в 36 кило или чуть меньше предназначен для так называемого экспедиционного, практически элитного носильщика. А есть носильщики «хозяйственные», грузовые, которые тащат до ста килограммов. Брёвна, шкафы, кровати, консервы, живность, фрукты; да хоть кирпичи. Зачастую и они подключаются к экспедициям и таскают любую поклажу по ситуации, хоть самого восходителя, что впоследствии и случилось...

Как экипировалась французская экспедиция? *Как положено*: тёплая и удобная одежда и обувь, консервированные продукты, снаряжение, медикаменты. Желаете узнать точнее – загляните в любой источник, описывающий специфику альпинистских экспедиций.

Интереснее рассказать об экипировке шерпов. Они снаряжались с точки зрения европейцев... как-нибудь. Пересекая непальские селения, Морис заметил, что люди ходят босиком. Лишь именитые жители носят обувь, что считается признаком состоятельности и даже шиком. Ботинки с не завязанной шнуровкой воспринимались как особый шик. Все шерпы на *обычном* маршруте также шли босиком. То есть босыми передвигались по *обычным* камням, *обычному* снегу и *обычному* льду. А необычность – это когда начинались высотные прохождения с холодом и техническими сложностями.

Сначала Морис подарил пару башмаков главному сирдару, и это сразу повысило престиж проводника среди портеров. Потом, чтобы ускорить движение, предусмотрительно запасённые ботинки дали и другим носильщикам. Но они берегли их и несли, перекинув через плечо, пока маршрут не усложнился. Некоторые носильщики иногда шагали в носках, шлёпанцах...

Прошу Мориса поделиться впечатлениями о непальцах, которых они встречали, проходя через горные селения. Я тогда мало интересовался техникой восхождений, меня зани-

мал Непал как таковой, люди и традиции страны – на это и сориентировал прежнего восходителя и нынешнего мэра.

– Ладно, – говорит Морис, – расскажу о людях. Они сильно религиозны. Не очень разбираюсь в их многобожии, но знаю, что основные религии в Непале – индуизм и буддизм. Впрочем, в чём разница между ними, тоже не очень понимаю. Однажды мы попали на очень важный для индуистов религиозный праздник Кумбх-Мела – праздник кувшина, который отмечается каждые двенадцать лет. Садху (святой человек), окружённый толпой, читает священные тексты. Подозреваю, что простые крестьяне мало понимают в этих текстах. И более того. Там везде стоят флажки, буквально испещрённые такими текстами – мантрами. Я спросил – не крестьянина, не носильщика, а более грамотного непальца-сирдара, – что означают эти надписи. Тот стеснительно улыбнулся и сказал, что не знает.

Праздник подразумевает обязательное омовение, поэтому, прослушав молитвы, многие верующие направлялись к реке Кали-Гандаки, которую называли священной. Некоторое время спустя, встретив вторую и третью подряд священную реку, я задумался, а есть ли в Непале *несвященные* реки, и вновь спросил об этом сирдара. Тот помолчал, а потом засмеялся.

Около реки мужчины и женщины раздевались – не догола конечно; затем входили в воду и погружали в неё листья лотоса, которыми ударяли себя по лбу.

Тут и там установлены ряды металлических цилиндров с мантрами. Мы называли их мельницами. Шерпы обязательно вертели эти мельницы-барабаны, приобщаясь таким образом к не очень понятным нам таинствам.

Реальное таинство мы увидели, когда пришли в местечко Мухтинатх – святая святых не только для местных, а вообще для всех посвящённых. Здесь много паломников из других регионов и даже стран, во всяком случае, из Индии. Мы видим храм-пагоду, окружённый целебными источниками. Паломники купаются в них, звонят в колокола, жгут благовония, крутят молитвенные барабаны. Ручейки от источников стекают в горизонтальный канал, а он в свою очередь питает 108 тонких труб, украшенных головами драконов. Из этих труб можно набирать воду, пить её, омываться.

Нам говорят, что прямо тут и прямо на воде горит вечный огонь. Мы сомневаемся, но девушки – хранительницы культового места приподнимают камень и показывают отверстия, откуда и впрямь мерцает голубой огонёк. Уверяют, что его зажёл сам Будда и теперь огонь горит всегда. Если прислушаться, там слышно журчание подземной реки. Поэтому Мухтинатх и считается святым, мол, это единственное место на земле, где присутствуют одновременно пять стихий – Земля, Вода, Огонь, Воздух и Эфир...

Я спросил у Мориса, как он относится к такому волшебству.

– Ну, не знаю. Может быть, природный газ...

В 70-е я не сильно разбирался в религиозных таинствах, но слышал, что в Библии написано про Благодатный огонь, сходящий на Гроб Господень в канун Пасхи. В Великую субботу посмотреть на него в Иерусалиме может каждый желающий – достаточно прийти на площадь перед храмом Воскресения. Откуда берётся этот огонь? Сходит, и всё! Внятных научных объяснений по поводу этого явления я не встречал.

– Морис, а вы слышали про Благодатный огонь в Иерусалиме?

– Да, слышал.

После этого он произнёс какую-то фразу, которую ни я, ни переводчик прямо истолковать не смогли. В итоге переложили на русский язык примерно так: «Я не по этому делу». Человек из компетентных органов скептически улыбнулся. Видимо, он был «по этому делу» и понимал больше.

Беседа продолжалась.

– А как непальцы вообще живут?

– Не скажу за весь Непал. В больших городах – Катманду, Покхаре – есть, конечно, сравнительно богатые дома. Они похожи на крепости и окружены стенами-заборами. В горных селениях таких домов мало или нет совсем. В большинстве случаев жилища представляют собой низкие лачуги, передняя часть которых просто-напросто открыта для всеобщего обозрения. Там чаще всего расположены кустарные мастерские. Обрабатывают шерсть яков и овец, прядут её, выделывают ткани, нанизывают какие-то бусы. Причем зани-

маются этим главным образом мужчины.

Взрослые непальцы скромно, приветливо и почтительно нам улыбаются. Субу (глава поселения) выходит обычно навстречу и не выражает ни малейшего удивления, хотя, возможно, видит белых людей впервые. Сведущие коллеги объясняют, что Будда учил сохранять невозмутимый вид при самых необычных обстоятельствах.

Более раскованно ведут себя ребяташки. Они ещё не научились быть сдержанными и выбегают откуда ни возьмись, тщательно рассматривая нас. В принципе и большие, и маленькие не могут понять, что мы пришли с другой стороны огромного горного хребта – видимо, они вообще не подозревают о существовании другой стороны. Впрочем, о людях, не похожих на непальцев, местные жители слышали. Это неудивительно: часть мужчин составляют гурки – непальцы, которые служили в британской армии, главным образом в её индийской части.

Показывают на нас пальцами и спрашивают:

– Американцы?

– Нет, французы.

– А-а-а... Кто такие французы?

– Ну, есть американцы, есть англичане, но мы французы.

Все утвердительно кивают головами:

– Теперь понятно: вы – американцы!

Я сдаюсь: пусть будут американцы.

Что они едят? Рис в первую очередь. Изготавливают также

цампу – муку из зёрен ячменя. Из муки варят кашу с добавлением молока или масла яка, тибетского чая или простой воды. Из цампы в казане или на разогретом листе железа пекут хлебные лепёшки – чапати. По улицам бегают куры. При нас шерпы вместе с жителями ходили на охоту и убили трёх животных, которых называли тхарами. На нашем языке это сероу – большая коза...

Девушки колотят палками по белью, разложенному на камнях. Это стирка. Что касается глажения, то оно здесь, видимо, без надобности. Женщины, даже маленькие девочки, носят украшения: в ушах, ноздрях, на лбу, на шее, на запястьях. Они смеются, когда видят, как мы чистим зубы и бреемся.

При попытке сфотографировать девочек поднимается визг: что это за приспособление, из которого выбегают «зайчики», вдруг это какие-то злые существа? Но мы выходим из положения: достаём из сумки и даём понюхать флакон с одеколоном, а потом брызгаем парфюмом на одну из девочек. Её восхищение граничит с экстазом. Духи в этих краях пользуются особой популярностью, как и любые благовония.

Непальцы хитры своей простодушной хитростью. Так, часть груза мы везём на лошадях. Лошади устали, у некоторых появились потёртости, и мы просим у субы заменить бедных животных. Он соглашается и вскоре приводит несколько кобылок. Но они ещё хуже наших! Мы бракуем их и просим тоже поменять – в конце концов всё это не бес-

платно. Суба опять соглашается и буквально через несколько минут с торжествующей улыбкой приводит другую смену «хороших» лошадей. Но это те же лошади! Спорить бесполезно. Это Восток!

Снова прошу понять: мы не совершали этнографическую экспедицию – мы намеревались покорить восьмитысячную вершину. Посему я плохой рассказчик, когда речь заходит об истории, религии и этносах. Давайте я продолжу про альпинизм.

После ряда разведок мы отбросили вариант с Дхаулагири и остановились на Аннапурне. У нас была карта с обозначением перевала Тиличо, откуда вроде бы можно увидеть Аннапурну. Но про перевал никто не слышал, про вершину – тоже. Единственная дорога, известная местным жителям, – тропа паломников в Мухтинатх... Перевал мы нашли. И увидели озеро Тиличо.

В Непале несколько больших и красивых озёр. Например, озеро Фева, на котором стоит довольно большой город Покхара, – тёплое, уютное, в нём много рыбы. Можно наблюдать, как она плещется, а можно заказать эту прекрасную пресноводную рыбу на обед или ужин. Но Тиличо – иное пространство: это озеро расположено на высоте около пяти тысяч метров, и никакой рыбы, и вообще ничего, кроме скал, снега, льда здесь нет. Но озеро чрезвычайно красиво; в зависимости от освещения, времени суток оно меняет свои цвета: то серое, то зелёное, то голубое.

Поднявшись на перевал, мы увидели семитысячники Гангапурна и Чонгор. Вскоре показалась гора в виде огромной широкой белой глыбы. Это точно восьмитысячная Аннапурна...

Морис подобрался и задумался.

– Вы знаете, дальше начинается совсем другая история. Мне больше нечего добавить про культуру, обычаи, особенности страны, которые вас вроде бы интересуют – разве что мы вернёмся к этому потом, если мне удастся рассказать, а вам дослушать всю историю до конца. Вот вы смотрите на мои руки и видите, что на них почти нет пальцев. Если я сниму ботинки, вы поймете, что пальцев нет и на ногах. Вы думаете, я родился без пальцев? Нет, я родился с пальцами. Дальше надо было бы поведать о том, как я их потерял. Нужно ли вам это?

Глава II

Два Володи

Я любил походы и турслёты. Сначала по лесам Московской области. Потом по Кавказу. По Тянь-Шаню. По Алтаю. Эх, времена! Палатки ещё «промокашки» – брезентовые, спальники ватные, банки с тушёнкой жестяные, картошка «живая», хлеб – буханками, для огня – бензиновые примусы, сам бензин – в канистрах. Рюкзак-«абалак», названный по имени конструктора – знаменитого в прошлом горовосходителя Виталия Абалакова, похож на подушку. Туристская романтика.

Вот с рюкзака всё и началось. На походной тропе мы случайно пересеклись с отрядом альпинистов. Рюкзаки у них были принципиально другие: с множеством регулирующих лямок, в форме правильного овала, без всяких болтающихся снаружи предметов. Вместо облезлых тёмно-зелёных штормовок на «бойцах» привлекательно смотрелись лёгкие, ярких цветов куртки-анораки. В руках почему-то они держали лыжные палки, хотя на дворе стояло лето. Сели вместе передохнуть.

Один из альпинистов – назовём его Володя-старший – сказал:

– Вот ты, вижу, здоровый парень, а занимаешься всякой мутатой. Что это за рюкзак у тебя времён русско-турец-

кой войны? Стыдобень! А одежда? А снаряга?

– Ну, как, – отвечаю, – рюкзак заслуженный, «абалаковский», и штормовка – непременно атрибут туристской жизни. Песня есть про то, как «выштопан на штормовке лавины предательский след». Про альпинистов братьев Абалаковых слышали, наверно?

– Сынок! С Абалаковым общался вот как сейчас с тобой. Не только слышал, но и ходил. А ты: «слышал ли»... Рюкзак он изобрёл, да, но произошло это очень давно. И песню «Люди идут по свету» знаю и люблю. Но рюкзаки старинные, о двух ляжках, не выношу. И штормовки тоже. Какие теперь штормовки, когда нормальное снаряжение есть?! Ты думай, что несёшь: Абалакова в туристы записал! Знаешь, что слово «турист» у серьёзных людей означает почти ругательство? Вот видишь человека на тропе: рюкзак прямо как... подушка, если поласковее выразиться; котелок закоптелый по жопе стучит. Это турист! Порнография! Не зря вас называют зелёными чудовищами.

– И что ж теперь?

– Если сделаешь правильные выводы по жизни, то всё сложится нормально. Езжай-ка ты в альплагерь, начнёшь реальную спортивную карьеру...

Вот так я и приблизился к серьёзным людям. Володя-то старший, как выяснилось, был мастером спорта международного класса по альпинизму и одним из лидеров спартаковской альпинисткой команды. Лидер и участник крутей-

ших восхождений во многих странах мира. И вскоре после несложных с бюрократической точки зрения процедур и, напротив, непростых спортивных зачётов я оказался рядом с ним на Западном Кавказе, в альплагере Узункол. Лагерь культовый, прославленный в песнях и стихах. «Альпинизм – школа мужества» – написано на лагерном плакате. «Туризм – школа замужества», – добавляли от себя шутники.

«Рядом с серьёзными людьми» – это сказано, надо признаться, слишком громко. Как может турист-второразрядник встать рядом с альпинистом – международным мастером? Никак! Наблюдать за мастерами – мы, храбрясь, иронично называли их «великими», но они и вправду были великими, – считалось уже за счастье. Если же удавалось рядом посидеть да послушать песни-разговоры, так это вообще рассказываешь потом годами. А послушать было что, поскольку рядом с Володей-старшим обычно находился его друг Юра.

В альпинизме Юра ушёл от меня недалеко: он заработал второй разряд и выше в формальной спортивной иерархии не продвинулся. Однако рядом с мастерами Юра присутствовал постоянно и полноправно. Как так получилось? Ну, если бы вы снялись в фильме «Семнадцать мгновений весны» да написали сотню песен, то и вам бы железно досталось место в ближнем кругу великих. Поскольку «старину Бормана» из «Мгновений» каждый знает. И песню «Милая моя, солнышко лесное» – тоже.

Тут, конечно, встаёт другой вопрос: великие «ходили», то есть делали сложные скальные и ледовые восхождения, непосильные для второразрядника Юры. Так что ж! Иные симпатичные особы женского пола становились даже мастерами спорта рядом с великими, карабкаясь вторым-третьим-четвёртым номером по провешенной ими с трудностями и риском верёвке и (или) разделяя, так сказать, ложе на предвершинном бивуаке.

Юра ничего такого не разделял: это с ним великие разделяли песни и обаяние. Юра и сам ходил на простые маршруты, а на сложные сопровождал великих до штурмового лагеря. И встречал после победы над вершиной, писал новые песни и пел старые, и пировали они как следует все вместе. А уж когда спускались в лагерь, песни и звон посуды гремели порой всю ночь. Как же после этого идти на следующую вершину? Да без проблем: после восхождения полагается день отдыха, и очередной штурм происходит уже на свежую печень и голову.

«Наблюдать», сидя поблизости, за великим альпинистом Володей-старшим и великим артистом-бардом Юрой, пусть не чокаясь и не братаясь, считалось делом почётным. Во-первых, потому что сам я, как большинство моих товарищей по альплагерю, пока не дотягивал до великих, к тому же были они лет на двадцать постарше. Но вот по части бухла...

Пить и курить в лагере категорически запрещалось.

Неположенные поступки преследовались и карались отчислением из отряда. Так не светись! К тому же запрет на курение носил скорее символический характер: нас окружали деревья и кустарники, высокая трава, ручьи, скалы, так что было куда слить буквально за пять минут и позастыгиваться всласть. Что же касается выпивки, то дело обстояло несколько сложнее. Расстояние от «Узункола», стоявшего на высоте две тысячи двести метров, до ближайшего селения Хурзук с магазинами, где продавалось спиртное, составляло ни много ни мало восемнадцать километров, да ещё с перепадом высот метров в восемьсот. То есть вниз-то сбегать для спортивной молодёжи не являлось проблемой, а вот переться обратно... Но, представьте себе, пёрлись! И вниз действительно бежали бегом: а что, молодому альпинистскому «коню» восемнадцать вёрст ни почем! Затаримся в ауле каким-нибудь местным дешёвым портвейном, дёрнем по стакану и не торопясь шагаем обратно. Часа за четыре с половиной в оба конца укладывались – чем не тренировка выносливости?!

Потом и вообще произошло чудо: в лагере появился начинающий альпинист Валера, который в гражданской жизни был молодым, но уважаемым деревенским доктором. Он тоже пришёл снизу, из Хурзука, с рюкзаком за плечами и с крайне неудобной для переноски большой хозяйственной сумкой в руках. В ней, переложённые одеждой, содержались семь бутылок чистого медицинского спирта. Великие от

угощения не отказались, а мы вместе со щедрым Валерой приблизились к ним, во всяком случае на время распития, и были избавлены от необходимости совершать регулярные почти марафонские забеги: разведем ввечеру спиртюган с каким-нибудь соком, послушаем или потравим в своем кругу истории про подвиги великих, заодно привирая про подвиги свои, – и спать.

Своим чередом шла жизнь в лагере: у нас тренировки, лёгкие восхождения; у великих – выходы покруче. Однажды когорта великих пополнилась Володей-младшим. По возрасту он был всего на пару лет старше меня, а вот по опыту оторвался очень далеко. Мало того, что мастер спорта, Володя и уважение среди великих имел весьма приличное. Впрочем, альпинистская «молодость» долгая: покоряя серьёзные вершины в двадцать пять, многие делают то же самое и в сорок, и в пятьдесят-шестьдесят: такой вот специфичный спорт, любящий, конечно, ловких и быстрых, но ещё больше волевых и опытных.

Если Володя-старший был высок, строен, с чернявым зачёсом на лбу – про таких говорят «казак» и «красавец», – то Володя-младший выглядел совсем по-другому: приземистый, рыжеватый, кучерявый, с примесью каких-то поволжских народностей во внешности. Володя-старший смешлив, говорлив, задорен; Володя-младший серьёзен, немногословен и очень спокоен. В общем, почти как у Александра Сергеевича: «Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень». Но вот

по части спортивной «старый конь» и «молодой олень» не уступали друг другу.

Кто «великие», а кто «новички»; кто «инструкторы», а кто «участники», но жили мы в лагере одной жизнью, скорее совместной, чем обособленной. И всё происходящее в этой жизни воспринимали с интересом и близко к сердцу. Пришло время, и мы ближе познакомились и разговорились с Володей-младшим. В лагере чаще всего мы, конечно, – не смотрите на рассказанное выше, – не бухали, а чаёвничали, а на выходах – так и всегда. Наберём в ручье воду, закипятим на примусе в кастрюле или котелке, нальём в трехлитровую банку, насыплем туда растущего буквально под ногами чабреца, добавим чёрного чая и балагурим. Чай пили с сахаром, а ещё лучше, когда кто-то доставал банку варенья или сгущёнки: работающий организм требовал калорий и с удовольствием принимал и сладкое, и жирное, и мучное, а диеты не приветствовал.

Где чай – там и разговор. О чём? О восхождениях, разумеется; в целом правдиво, но с разными оттенками. Рядом с Володей-старшим обязательно сидела какая-нибудь молодая участница отряда, которую он в свободное от работы на маршруте время не гнушался опекать, и рассказ Володи приобретал обязательный характер подвига. Володя-младший женским полом интересовался мало и подвигами особо не хвастался, а стремился разбирать всякие проблемные ситуации в горах.

Про него самого я узнал, что Володя-младший окончил физтех, где, как и многие, услышал про институтскую альпсекцию, в ней и начал путь восходителя. Быстро получил значок «Альпинист СССР» – это по тем временам соответствовало вступлению в пионеры в обычной жизни. Кто получает значок «Альпинист СССР»? Кто приезжает в альплагерь, тот и получает. «Рискуя жизнью» в процессе отработки приёмов горной страховки между... сосновыми деревьями. Многие в лагерь больше не попадают никогда в жизни, но про «риски» и «суровые» восхождения азартно повествуют.

Володя приехал снова и снова. Вскоре стал третьеразрядником, что, если уж рассуждать в выбранной советской логике, приравнивалось к рядовому комсомольцу. В силу чрезвычайной талантливости, которая выражалась в первую очередь в виртуозном лазании по скалам, а во вторую – в выносливости, всего через четыре года после третьего разряда заработал звания «Мастера спорта СССР» и чемпиона Союза, что в переводе на идеологический язык следовало квалифицировать как активный и статусный деятель коммунистической партии. Было в это время «деятелю» двадцать пять лет, работал он – а тогда нельзя было не работать – в ракетной организации «Энергия»; чем там занимался, я не очень понимал, но, видимо, приносил инженерную пользу.

Склонностей к лирическому философствованию вокруг

альпинизма у Володи-младшего не наблюдалось. На проникновенные вопросы вроде «Как ты себя нашёл в горах?» или «Какой смысл ты вкладываешь в альпинизм?» он отвечал примерно так: «Мне это нравится, это моё, это мне нужно». А про смыслы и того проще: «Нет здесь никакого смысла!»

Августовским днём великие собрались на очередное, столь же великое, восхождение. Речь шла о стенном маршруте на вершину Трапезия. Не углубляясь особо в горовосходительную специфику, немножко всё же поясню. На бытовом уровне принято считать, что альпинизм – это когда высоко. И самые распространённые вопросы, которые задаются несведущей персоной любому альпинисту, это «Был ли ты на Эвересте?» или, в крайнем случае, «Восходил ли на Эльбрус?». Но дело в том, что Эльбрус с двумя куполами в пять тысяч шестьсот с лишним метров, даже будучи самой высокой вершиной на Кавказе и в Европе, к числу высотных, а также трудных вершин не относится. Однако стоящие рядом с ним пяти-, четырёх- и даже трёхтысячные вершины вполне могут считаться трудными, и вовсе не из-за высоты. Скальной стены протяжённостью в несколько сот метров и углом наклона в пятьдесят и более градусов вполне хватит для того, чтобы восходителю с гордостью сказать: «Я ходил – на Кавказе или в Гималаях – такую-то стену» – Безенги, Далар, Шхельду и так далее, а понимающим слушателям отреагировать: «Ух ты!» Это так

называемый технический альпинизм, основанный на умении преодолевать, не срываясь, сложные скальные рельефы, используя любые естественные выступы, а где их нет – крючья и закладки.

Неискушённый читатель может спросить и про лёд. Отвечу, что на льду тоже нелегко, но поуютнее, чем на скалах, и вот почему: крючья-ледобуры, которые вворачиваются в лёд, как шуруп в дерево, держат значительно надёжнее и более прогнозируемо, чем скальные. Кроме того, на льду используются «кошки» для ног и «айс-фифи» – своеобразные «серпы» с рукоятками – для рук, что обеспечивает дополнительную надёжность.

То и другое применяется и выше пяти тысяч метров, и даже на Эвересте, но там к техническим трудностям приплюсовываются высотные. Восхождение на семи- и восьмитысячники считается высотным альпинизмом и предполагает обязательную акклиматизацию и работу на рельефе в условиях недостатка кислорода. Отсюда это вершины повышенной, а порой и запредельной трудности.

Относительно темы восхождения на Эверест. Такой вопрос, когда задаётся дилетантом даже среднему по уровню подготовки альпинисту, нужно признать и вовсе дурацким: в «зоне смерти» организм при любой акклиматизации способен продержаться лишь считанные дни, а потом затухает и умирает, так что восхождение на вершину мира – «не для средних умов».

Но вернёмся к кавказскому альплагерю Узункол, августу и вершине Трапеция. По высоте она не дотягивает и до четырёх тысяч метров, а взойти на вершину можно по гребню – это квалифицируется как несложный маршрут. Но группа, о которой я рассказываю, пошла в лоб, на стену, на те самые несколько сот метров суперсложного рельефа. У многих альпинистов «горел глаз» на эту стену. Её редко «делали» раньше только по одной причине: стена была камнями, да так, что камнепады простреливали весь маршрут и уходили на прилегающий ледник.

Вышли к Трапеции впятером. Юра сопровождал пятёрку до штурмового лагеря, который разбили на ледниковой морене, и как-то особенно беспокоился, приговаривая: «Вы, мужики, с ума сошли!» Потом вернулся в Узункол, а группа восходителей весь следующий день наблюдала ситуацию на стене, ещё день обрабатывала её, забивая крючья и провешивая верёвки, на третий же день пошла на штурм. Начали затемно, когда текущие на горе ручьи застывают, а камни, соответственно, вмерзают в них. С восходом солнца началось постепенное таяние, мелкие камешки сперва тихо покатились, потом стали набирать скорость и застучали поактивнее; затем появились булыжники покрупнее – от них приходилось виртуозно уворачиваться и предупреждать товарищей коротким криком «камень»; и, наконец, полетели огромные «чемоданы» – их движение, падение, расколы напоминали разрывы мин или снарядов.

Самый сильный «обстрел» разгорелся к середине дня, но группа, счастливо не побитая и даже не задетая камнями, прошла опасную стену и поднялась на гребень Трапещи. Здесь началась непогода, наступала грозовая облачность, всё затянуло туманом, и видимость исчезла. В таких условиях даже самые сильные альпинисты прекращают движение и пережидают погодные катаклизмы. Так и сделали: поставили палатку, тесную для пяти человек – брали-то её на всякий случай, и вот такой случай настал. Вскипятили на примусе чай и прилегли, залезли в спальные мешки, не раздеваясь, чтобы, как только развиднеется и откроется ледник, сразу спускаться вниз. Вышли по рации на вечернюю связь и сказали, что всё в порядке, что стену прошли, но не спускаемся пока, а пережидаем непогоду. Приняли поздравления с победой, мало-помалу погрузились в сон...

Володя старший проснулся от странного и крайне дискомфортного ощущения, что в палатку проник кто-то посторонний. Высунул голову из спального мешка и замер. На высоте около метра от пола плыл ярко-жёлтый шар величиной с теннисный мяч, который вдруг зажил своей жизнью. Шар подлетел и исчез в спальном мешке Олега, одного из восходителей. Раздался дикий крик, после которого Олег затих, а «мяч» выскочил из мешка и начал «ходить» по остальным.

Когда шар прожёлг и мешок Володи-старшего, альпинист почувствовал адскую боль, словно его пытали сварочным ап-

паратом, и потерял сознание. Потом сознание то возвращалось, то уходило, и ни он, ни другие ребята не понимали, что и сколько времени происходит. Очевидным было лишь то, что шаровая молния – стало ясно, что это именно она, – соблюдая только ей известную очерёдность, проникала в мешки, и каждое такое посещение вызывало отчаянную, нечеловеческую боль и вопль как реакцию на неё. Этот ужас повторился несколько раз.

Потом шар исчез. Люди не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, тела превратились в очаги огня. Но оказалось, что участника группы Виктора молния зацепила всего раз, в пятницу, и он мог двигаться. Виктор вышел по радиации – странно, но она осталась невредимой – на связь с лагерем, обрисовал ситуацию и запросил спасательный отряд. Появилась надежда, и ребята в полуобморочном состоянии, поочерёдно приходя в сознание и уходя из него, стали ждать.

Как потом выяснилось, Володя-старший получил восемь контактов с шаровой молнией, Володя-младший и Саша – последний из участников восхождения, которого я ещё не упомянул, – по шесть. При этом у Саши здорово обожгло ниже пояса. И вот ведь мужики! Забыв про всё остальное, Саша вслух и серьёзно переживал именно за «мужскую силу». «Юмористические» воспоминания пришли гораздо позже. А тогда... У Володи-младшего обгорели пространства выше левого глаза и на пятой точке. Олег получил три касания молнией, а касание в солнечное сплетение стало роковым:

Олег умер. Лишь Виктор отделался единственным несильным ожогом, он оставался на ногах и помогал раненым.

Ожоги были... как описать-то? Куски мышц, вырванные до костей, зрелище не для слабонервных. Когда подтянулся спасотряд, доктор бегло осмотрел раны и предложил обработать их спиртом. Все трое тяжёлых были в отключке, но как только ватка дотронулась до Володи-старшего, он очнулся и заорал: «Давай нам по сто грамм спирта внутрь, а потом сделай обезболивающие уколы!» Так и поступили. Володя-младший не реагировал ни на какие прикосновения; челюсть, чтобы влить спирт, ему пришлось отжимать ножом.

Спасатели принесли акьи – это такие сборные алюминиевые носилки для переноски раненых и погибших по горам. На ледовом рельефе их можно везти по льду, на скальном – спускаться на верёвках, прикрепляя карабинами за специальные дырки. В эти же дырки те, кто нес раненого, цепляли репшнуры, а их уже – себе на плечо. При наличии достаточного числа людей одна смена на одной акье составляла шесть человек; когда людей не хватало – четыре. Меньшее число в принципе не представлялось возможным. Это я к тому, что иногда в фильмах мы видим, как некий герой берёт пострадавшего в горах человека на руки и несёт его. Ну да, как невесту. Понесёшь, как же!

Юра пришёл со спасателями. Когда Володя-старший открыл глаза, Юра спросил: «Как дела, капитан?!» – «Нормально», – ответил тот и опять потерял сознание.

Много трагического в альпинизме. И много мистического. И всё связано между собой. Абсолютно точно известно, что в ночь с шаровой молнией Юра «телепатил», а если выразаться точнее, то сидел в узункольском домике, пил чай и сочинял песню. «Ту самую песню», написанную тем самым августом, знают все прошедшие Узункол. Она о том, как в домике альплагеря уютно горит свечка, за окном стучит дождь, в соснах висит туман и так хорошо идёт обыкновенный чаёк. Песня, в общем-то, про непогоду. Обидно, конечно: смена пропала, в непогоду на восхождения не ходят. Вот Юра и не пошёл, но ребята пошли и попали в переделку. И очень хочется, чтобы завтра они смогли спуститься в лагерь...

Это были те самые горы. Та самая непогода. Тот самый Узункол. А вот пожелание они не выполнили, спуститься – так вышло – не смогли. Сами не смогли. По гребню, по леднику, по скалам, по травянистым склонам их несли в лагерь. Мы, здоровые, толкались возле домика-медпункта, то и дело задавая глупый вопрос: «Ну как?»

Когда происходили перевязки, из домика неслись крики, преимущественно матюки. Когда перевязки заканчивались, нас пускали к раненым, хотя бы для того, чтобы их немножко отвлечь от постоянных болей. И вскоре я уже общался с Володями, старшим и младшим. Они очень переживали, а вот о чём переживали, вы вряд ли догадаетесь. Воспроизведу кратко их реакции на происходящее; причём не столько

на случившееся, сколько на спортивную перспективу.

Володя-старший:

– Ожоги? Ну да, ожоги! Из-за них, блин, я на первенство Союза пролетаю! Заживут ожоги! Я всё равно ходить буду! Но первенство Союза точно накрылось голубой панамой!

Володя-младший:

– Жалко, конечно. Сейчас набирают команду в Непал, на Эверест. На первое в истории советское восхождение. Я имел все шансы войти в команду. А теперь вот точно не войду: пока я тут валяюсь, утверждают списки, и пиши пропало...

Он не фантазировал насчет Эвереста. Годом раньше Володя был заявлен в основной состав на первенство СССР по альпинизму, а это значит, что его высоко оценили и как мастера, и как руководителя для любого альпинистского восхождения.

Несколько дней мужики пролежали в лагере: ждали вертолёт, чтобы избежать путевых страданий при езде по горным дорогам. Однако погода лететь не позволяла, решили всё же везти раненых грузовиком в Пятигорск. Несколько дней они провели в городской больнице, а затем полетели в Москву. На этом «молниеносная» эпопея далеко не закончилась; скорее, она только началась. Каких только обожжённых людей не возвращали к жизни и более-менее нормальной внешности в ожоговом центре, но таких, как наши, здесь раньше точно не встречали.

Перевязки, пересадки кожи, уколы, стоны, отвратный за-

пах; всё болит, не повернуться. Самая трудная процедура – туалет, каждый раз мучительно. Раз пришёл журналист раскрутить Володю-старшего на интервью, а тот спит в полуобморочном состоянии. Врач говорит журналисту: «Какое интервью! Он, может, уже не жилец...» А Володя очнулся и отвечает: «Хрен вам не жилец! Через год вы меня совсем в другой форме увидите, на восхождениях!»

Не особо в это верилось, и сомневаться было в чём. Сначала ждали отторжения у Володей мёртвой кожи. Затем Володе-старшему запланировали восемь операций: со здоровых участков тела брали кожу и приживляли на обожжённые места. Да не просто «брали»: слой живой кожи требовалось снимать без нарушения волосяного покрова. И тут возникла совсем иная проблема. У Володи-старшего кожа смуглая, волос прямой, и операции проходили удачно, если в этой ситуации вообще можно так выразиться. Володя-младший – рыжий, курчавый, ему запланировали шесть операций, а сделали двенадцать! Почему? Потому что сложнее идут пересадки у рыжих и курчавых: приживляют кожу, а она не хочет...

Кололи обезболивающие наркотики, иначе бы они не выжили; каждый укол выдавался под роспись врача в специальной ведомости. Володя старший опять за своё: «Чего добро переводите, налейте лучше коньячку». Заведующая отделением в конце концов махнула рукой: «Да делайте что хотите!» И мы, друзья-посетители, понесли коньячок, который и старший, и младший Володя с удовольствием принимали.

Даже в такой ситуации ребята постоянно думали о спортивном будущем и упирались ради него не по-детски. Раз просит доктор одного из Володей поднять руку, чтобы проверить, как приросла кожа. Тот поднимает градусов на двадцать пять, а доктор говорит: «Ленишься, молодой человек». Володю это задело, и через три дня, на следующем осмотре, он сделал рукой прямой угол. И полетела вся пересадка, порвалась ткань, пришлось делать операцию заново. Остатки кожи от прежних операций хранились в холодильнике, достали их, приживили.

Разработку рук-ног, плечевого пояса ребята продолжали. В ванной, с криком, без свидетелей, пересиливая и ломая себя ежедневно.

Когда-никогда, а настал срок выписки. Собралась медкомиссия и решила всем пострадавшим дать вторую, нерабочую группу инвалидности. Оба Володи категорически отказались.

«Огромное спасибо! – сказал Володя-старший на выходе из больнички. – Мы вас не подведём. Мы вам, ять, покажем инвалидность!»

Благодарил врачей и Володя-младший. И тихо бормотал себе под нос: «Эх, ёклмн. Непал пролетел; Гималаи пролетели, Эверест накрылся, ёклмн...»

Через год оба Володи участвовали в первенстве Союза на Памире.

В следующей, другой, здоровой жизни мы вместе не раз

ходили в баню. Любители парной бросали на раздевшихся Володей недоумевающие взгляды, и, не справившись с любопытством, кто-то спрашивал:

- Чем это вас, мужики? Пулей, бомбой, снарядом?
- Да так, трамвай неудачно останавливали...

Глава III

Тенцзин

Курица – не птица, Монголия, как и Болгария, – не заграница, – так говорили в Советском Союзе те, кто стремился куда-то выезжать. Говорили, но и в Монголию поехать были не прочь. Правда, не для того чтобы посмотреть достопримечательности, как в случае с Францией, а с намерением поработать. А что? Платили в два-три раза больше, чем на аналогичных должностях в Союзе, но блага этим не исчерпывались. С одной стороны, со шмотками, техникой в Монголии слабовато, зато честно заработанные тугрики-рубли легко переводились в инвалютные чеки. Нынешнему молодому или даже средних лет россиянину стоит объяснить, что это такое.

В Москве существовали специальные магазины «Берёзка», где торговля производилась за валюту. А чеки – это валютный эквивалент: очень ценные «бумажки» разных цветов и с разными буквенными обозначениями, что подразумевало разные «веса», то есть покупательную способность. И товары в «Берёзках» – магазинах с затенёнными стеклами – бывали получше, чем в Монголии, не говоря уже о массовых магазинах родной страны.

Родитель мой, Министерства обороны полковник, съездил в Монголию в командировку. После чего я получил

дубоватую кожаную куртку – оттуда, и шикарные финские туфли на высоком каблуке, которые тогда и у мужчин считались модными, – из московской «Берёзки».

Ну, ладно, будем считать это лирическим отступлением. Потому что история наша движется совсем в другом направлении. Географически, конечно, она устремлена именно сюда, в сторону Азии. А логически – нет, поскольку с бараклом почти не связана.

В конце 70-х в Монголию поехал мой друг Коля. В Москве он работал учителем русского языка и литературы, потом заместителем директора школы, а в Монголии сразу стал директором. Познакомился со страной, обустроился и, само собой, оброс нужными связями. Через некоторое время вполне созрел, чтобы пригласить меня в гости. С этой поездкой вообще не предвиделось проблем. Во-первых, приглашение от обитателя страны – не просто приятные слова, а важная и уважаемая инстанция бумага. Во-вторых, как я уже говорил, курица, то есть Монголия, – не бог весть какая заграница. В-третьих, важным довеском, своеобразным выездным портфолио выступала имевшаяся уже у меня за плечами Франция. Таким образом, собрался я – не по французскому варианту, а попроще и побыстрее – и полетел в Батор (так на разговорном языке называли столицу страны Улан-Батор), даже и без собеседований-инструкций, и без чекистов на хвосте.

Оно понятно: оттуда не слиняешь. Где, если что, поли-

тического убежища просить? В коммунистическом Китае? Уже смешно. В пустыне Гоби у кочевников-скотоводов? Ещё смешнее.

Поселили меня в гостинице, недалеко от советской школы, построенной из кирпича почти в центре города рядом со зданием монгольского государственного цирка. В ней учились в основном дети из зарубежных посольств и представительств – учителя называли их «дипломатами» – и отпрыски монгольских высокопоставленных граждан.

С «языковым барьером» в Баторе я почти не сталкивался: окружали меня как раз «дипломаты» – учителя, а также живущие рядом геологи, инженеры и рабочие разных специальностей из городов СССР, ну и военные. «Приближённые» к ним монголы хорошо изъяснялись по-русски. С не приближёнными было сложнее: весь столичный Батор опоясывали юрты, и тамошние обитатели вряд ли владели нашим родным языком, но в юрту мне пришлось заглянуть всего один раз.

Пару слов об этом эпизоде монгольского путешествия. С хозяевами национального монгольского жилища общались через переводчика. Интерьер юрты составляли печка-камелёк посередине, лежанки по бокам вдоль стен, ковёр и подушки на полу. Эта довольно опрятная юрта служила, как я понял, чем-то вроде экскурсионного объекта. Угощали нас жирным – молочным и мясным, а на аперитив, затем собственно под еду, а потом и на деджистив предложили противной молочной самогонки. Огонь в камельке тоже «кор-

мили» – кусочками хлеба, даже спиртного плеснули – это происходило в рамках какого-то околорелигиозного обряда.

Я было потянулся к своей сумке, чтобы достать привезённую из Москвы бутылку водки, но сопровождающий зашипел: «Ты что, убери, они быстро с катушек слетают, могут чего-нибудь натворить, а нам потом отвечай».

Напротив гостиницы располагался «русский двор спецов», где проживали семьи советских командированных. Сходили мы и туда. Застали вполне оптимистичное и даже весёлое зрелище: один земляк-папа стругал из дерева для дворовых ребятишек ходули, другой ваял деревянные автоматы. На единственном велосипеде гонял по очереди весь двор, а чья-то мама варила на всех картошку с тушёнкой. Из открытых окон хрипел Высоцкий, заливались очень популярные тогда «АВВА» и «Boney M».

Монгольские дворы были застроены беднее, качели и другие сооружения для детей оказывались в основном поломанными. Мне объяснили, что местные пацаны очень быстро ломали всё, что для них делалось. Философски настроенный Колин коллега по школе, учитель истории Александр объяснял это так: стихийная агрессия монгольских детей произрастает оттого, что свободные, степные монгольские земли, по которым они скакали на лошадях, залили в Баторе асфальтом, изуродовали металлом. Удобства подарили, да, но «дарители» не сильно разбирались в том, хотят ли такого, по нашим представлениям, комфорта местные жители, глубоко

почитающие природу.

Шёл июнь, то и дело с неба падали обильные ливни, по городу разливались огромные лужи, где сразу оживали всякие букашки-таракашки. Советские дети, несмотря на «дипломатический» статус, снимали надетые на них заботливыми мамами резиновые сапоги и с восторгом бегали босиком по тёплой воде. Монгольская детвора строила из досок плоты и плавала по улицам. Их мамы жарили в жиру борцики – что-то типа пончиков – и угощали и своих, и наших отпрысков.

По территории русского поселения протекал невзрачный ручеёк, названный монголами рекой Сэлбэ. Но после дождей ручей бурлил, взламывал узкое русло и затоплял весь центр. В это время женщины перемещались по Батору босиком и задрав юбки, в одной руке держа сумку, в другой – босоножки на высокой платформе.

Машин в городе замечалось мало, монголы обычно перевозили мебель и тяжёлые вещи на лошадиных повозках. Для русских ходил бесплатный автобус с советским шофёром: если мы передвигались на нём по делам, то дети порой после школы садились на задние сиденья и катались на автобусе до вечера «просто так». Пользоваться этим автобусом монголам запрещалось. Да и многое другое тоже: для аборигенов существовали проблемы с покупкой билетов на концерты артистов, изредка присылаемых «старшим братом» – СССР, или с заходом в советские магазины, где продавались

более качественные продукты, или с получением талонов на страшнейший дефицит тех времен – румынские женские сапоги. Монголы конца 70-х, во всяком случае в Баторе, выглядели посторонними в своей же стране.

Что касается моей монгольской жизни, то в ней присутствовало, конечно, знакомство с историей, осмотр древностей, но в гораздо более мягкой форме по сравнению с Францией, где тебя постоянно строили и наставляли. А за пределами в общем-то добровольной экскурсионной программы проходили душевные пьянки с педагогическим коллективом Колиной школы, в свободное от учительской работы время, и братание с советскими же военными. Всё как обычно на любой территории, где работал СССРовский контингент, а к нему в гости приезжали люди с «большой земли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.